

ВЕТЕР НА ОЗЕРНОМ ПЛЕСЕ

«Солистка Ленинградского академического театра оперы и балета имени Кирова Галина Карева...» Увы, мне, москвичу, это имя ничего не говорило. Я равнодушно поглядел на афишу, хотел было идти дальше, но задержался потому, что меня поразила своей интересной необычностью репертуар солистки. Старинный русский романс... цыганские романсы. Гурилев, Варламов и тут же Прозоровский и Борис Фомин. «Вернись, я все прощу!», «Отцвели уж давно хризантемы в саду», «У камина»...

И вот я сижу в строгом, до отказа переполненном зале Чайковского. На эстраду выходит молодая черноволосая, высокая и стройная женщина в белом длинном концертном платье. Ее громадные черные глаза мне показались чуть грустными.

Зал затих. Карева запела. У нее сопрано с хорошими контральтовыми низами. Голос — от романса к романсу — стал крепнуть. Так крепчает ветер на озерном песе, превращаясь в бурю. И вдруг лирическая буря во все двенадцать баллов забушевала на эстраде концертного зала!

Гитарист Сорокин, восьмидесятидвухлетний аккуратный седенький старичок, вышел аккомпанировать певице, держа в руках свою «подругу семиструнную». Самых сокровенных, самых русских струн души касались искусные его пальцы. Тосковал, жаловался, радостно трепетал, страстно смятенных чувств звенел голос Галины Каревой. На глазах многих слушателей блеснули слезы.

Строгий зал Чайковского был покорен ленинградской певицей.

Я не музыкальный критик и не специалист-меломан. Я просто люблю хорошую песню и камерную прелесть романса, его грусть, его нежность. На мой взгляд, Галина Карева — певица школы покойной Надежды Обуховой. Что меня заставило вспомнить это великое имя? Умение Галины Каревой проникнуть в самую глубину смысла исполняемого романса, донести до слушателя его лирический трепет, благородная и простая манера исполнения, лишенная вульгарных эстрадных излишеств и псевдоцыганской чисто внешней экспансии. Чувство и только чувство! И способность передать все оттенки этого чувства только голосом, богатством его модуляций. При этом — великолепная дикция, безукоризненное чутье к звучащему слову. Уж на что, казалось, был запет и опошлен в свое время романс Прозоровского «Вернись, я все прощу!», а Галина Карева поет этот романс так, что вся его запетость, вся захватанность пропадают. Остаются боль души покинутой женщины, горечь неразделенного чувства, подлинный лиризм жертвенной страсти, то есть главное — то, ради чего и написан был этот хороший романс, испорченный дурной эстрадой.

Когда Галина Карева кончила петь, весь зал встал и стоя потребовал бисирования. Аплодировали все — и пожилые, помнящие юность, зрелость и смерть романса люди, и молодые, слы-

Галина КАРЕВА.

шавшие его в первый раз. Романс как бы родился вторично.

В гардеробе, когда мы с женой одевались, пожилая гардеробщица, сняя глазами, спросила нас:

— Понравилась вам наша Галина?

— Очень! — сказали мы.

— Мы все тут за нее рады! Очень душевно она исполняет.

Душевно! Хорошее и точное определение.

Леонид ЛЕНЧ